

мифологические истолкования романа XX в. Очень интересны разделы, в которых демонстрируются факты, свидетельствующие о бесспорной осведомленности таких романистов, как Т. Манн, Ф. Кафка, Д. Джойс в этнографической литературе, и особенно в ритуалистических теориях мифа. Вместе с тем Е. М. Мелетинский, признавая интерес постижения общих свойств человеческого мышления (и уже — мифологизирования), показывает отрицательные последствия чрезмерно широкого толкования понятия «миф». По крайней мере несомненно, что к вполне конкретным мифам классической архаики «мифологизирование» в литературе XX в. имеет весьма отдаленное отношение. Заметим, кстати, что с неменьшим основанием автор мог бы обратиться еще к одному кругу проблем, имеющих значительный научный интерес — к религиозным и политическим «мифам» средневекового крестьянства как западноевропейского, так и русского. В последние годы изучение их стало приносить определенные результаты, на которые можно было бы уверенно опереться (см. работы А. И. Клибанова, Н. Н. Покровского и др.). Однако, не будем упрекать автора за то, чего нет в его книге, тем более что перед нами исследование, в высшей степени насыщенное материалом и широкое по охвату проблем, весьма актуальных для научной и общественной мысли второй половины XX в.

К. В. Чистов

НАРОДЫ СССР

Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1976, 333 с.

Рецензируемый сборник представляет собой первую часть большой коллективной работы, посвященной изучению сибирского шаманизма. Изучение ведут в основном сотрудники ленинградского сектора этнографии народов Сибири Института этнографии АН СССР под руководством И. С. Вдовина по перспективному плану. «На наш взгляд, — пишет И. С. Вдовин во введении, — первостепенное методическое значение будет иметь последовательность изучения составных элементов шаманизма» (стр. 14). Последовательность эта такова: религиозные представления о природе и человеке (ч. 1); религиозные культы (ч. 2); влияние на шаманизм идей христианства и ламаизма (ч. 3); шаманы и их роль в общественной жизни и религиозной идеологии (ч. 4); религиозные пережитки в современной жизни (ч. 5). По первой части трудно, конечно, судить о большой работе в целом и о том, как эта часть будет связана с остальными. Но она имеет и самостоятельное научное значение.

Сборник состоит из введения и 14 статей, в которых рассмотрены представления о природе и человеке у ненцев, нганасан, кетов, селькупов, нанайцев, нивхов, чукчей, коряков, алтайцев, тувинцев, бурят, западносибирских татар. Большинство статей написано на основе полевых материалов, собранных самими авторами. Широко привлечены сведения, имеющиеся в печатных трудах путешественников и ученых, в первую очередь этнографов, а также использованы архивные данные и музейные коллекции.

Открывают сборник статьи о ненцах и нганасанах, у которых был общинно-родовой строй, а заключают статьи о бурятах и западносибирских татарах, народах с развитыми патриархально-феодальными отношениями. Такое расположение статей обусловлено тем, что шаманство на разных уровнях социально-экономического развития общества имеет разный характер. «Чем глубже разложение первобытнообщинных устоев..., — пишет И. С. Вдовин, — тем шире и многообразнее общественные культы, религиозные функции шаманов, их профессионализация, атрибутика. И наоборот. Чем меньше затронуты разложением первобытнообщинные основы жизни народа..., тем уже общественные функции шаманов, их роль в религиозных отправлениях народа» (стр. 12—13).

Особый интерес представляют статьи, в основе которых лежат полевые материалы, собранные авторами в 1920—1930-х годах. Сведения, сообщаемые А. А. Поповым, И. С. Вдовиным, Е. Д. Прокофьевой о различных аспектах мировоззрения, в том числе и о религиозных верованиях нганасан, чукчей, селькупов, имеют большое научное значение, так как эти авторы наблюдали то, чего сейчас уже нет. Так, А. А. Попов записал у нганасан верования и обряды, подробности которых ныне, как отмечает Г. Н. Грачева, исчезли даже из памяти людей (стр. 44). Полевая этнографическая работа в те годы была делом трудным и даже опасным. «К несчастью, во время моего пребывания летом (1935 г. — М. Б.) у вадеевских нганасанов, — пишет А. А. Попов, — исчезли дикие олени. Это обстоятельство объяснили тем, что я фотографировал убитых диких оленей с вырезанными глазами. Многочисленные упреки по этому поводу прекратились только после появления диких оленей» (стр. 33). Нганасаны преграждали А. А. Попову вход в чум,

боясь, что он принесет с собой духа болезни; на него наложили табу во время эпидемии — не разговаривать на этнографические темы (стр. 35). «Это табу продолжалось четыре недели», — пишет ученый (там же). Показателен в этом плане разговор И. С. Вдовина с чукотским шаманом Тамэни, состоявшийся в 1932 г. Тамэни утверждал, пишет И. С. Вдовин, «что школа, сами по себе „русские запахи“ отпугивают от берега морских зверей и т. п. С этого началась наша трудная и напряженная беседа при очень внимательных слушателях» (стр. 235).

Следует также выделить авторов — уроженцев Севера и Сибири: нанайца Н. Б. Киле (киле — самоназвание одной из трех групп нанайцев), нивха Ч. М. Таксами, бурята Т. М. Михайлова, татарина Ф. Т. Валева. Каждый из них пишет о верованиях родного народа. Нет нужды упоминать о том, что названные авторы хорошо знают язык изучаемого народа, а это особенно важно при исследовании религии. В качестве примера можно указать статью Н. Б. Киле «Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев». О верованиях нанайцев писали такие видные ученые, как Л. И. Шренк, А. Н. Липский, Л. Я. Штернберг, но и в их трудах, как отмечает Н. Б. Киле, имеются неточности. «Объясняется это просто: исследователи плохо владели нанайским языком или не владели им вовсе», — пишет Н. Б. Киле, — а нанайцы, выступавшие в роли переводчиков или информаторов, не знали в нужной степени русского языка и не могли с достаточной точностью изложить суть дела» (стр. 189). Вот несколько примеров: слово *эрген*, означающее «жизнь, жизненная сила», у И. А. Лопатина неправильно переведено «воробей», у А. Н. Липского — «дыхание» (стр. 191). Холм, связанный со священным деревом (*пиухэ*), А. Н. Липский ошибочно считает населенным злыми силами (стр. 193) и т. д.

Верованиям нанайцев посвящены еще две статьи: «Представления нанайцев о мире» (А. В. Смоляк) и «Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле» (С. В. Иванов). В этих статьях, как и в некоторых других, приведены мифы и легенды, которые, как справедливо отмечают сами авторы, трудно рассматривать как религиозные верования (стр. 132—134, 162). Например, тот факт, что нанайцы называют Млечный путь «тропую кабарги», вряд ли можно отнести к религии, особенно если учесть, что с Млечным путем не связано у них никакого культа (стр. 136). А. В. Смоляк правильно критикует А. Н. Липского за то, что тот делал выводы о верованиях, опираясь на сказки. «Но нет никаких оснований считать», — пишет она, — что нанайцы не отличали сказку от жизни» (стр. 142—143). Нанайцы, например, считали, что рыбы понимают речь людей, и, сидя на берегу, призывали рыб не бояться рыболовного крючка. «Вряд ли во всех этих своеобразных представлениях и действиях», — отмечает А. В. Смоляк, — можно усмотреть что-либо религиозное» (стр. 144). Традиционные воззрения, не связанные с религией, широко освещены также в статье Л. В. Хомич «Представления ненцев о природе и человеке» (стр. 18—20), в статье Е. Д. Прокофьевой «Старые представления селькупов о мире» (стр. 106—108), в упомянутой ранее статье С. В. Иванова и др. Нам кажется поэтому, что сборник по содержанию значительно шире своего названия: в нем говорится не только о религиозных верованиях, но и о некоторых других элементах мировоззрения народов Сибири и Севера.

Среди материалов, помещенных в сборнике, немало интересного найдут для себя фольклористы и литературоведы. Во многих мифах, легендах, преданиях народов Сибири и Севера нашло свое выражение образное, поэтическое восприятие природы. Гром для селькупов и ненцев — это шум нарт, скользящих по весеннему насту (с. 19, 108); молния для ненцев — это искры, летящие из-под полозьев нарт; небосвод для кетов — это ровдуга (стр. 79); Млечный путь для селькупов — это невод, нацепленный на Полярную звезду для просушки, он сверкает потому, что в нем застряла рыба чешуя (стр. 108). Несомненную художественную ценность представляет селькупская легенда о происхождении комаров: герой по имени Ича сжег злого духа, но тот пригрозил, что искры от костра будут вечно досажать людям; эти искры и пепел костра превратились потом в комаров (стр. 119). Многие страницы сборника доставят читателю большое эстетическое наслаждение.

Философ, пожелавший познакомиться с тем, какие взгляды на природу и человека были характерны для доклассового общества, обнаружит в сборнике обильный конкретный материал для общетеоретических исследований. Авторы статей характеризуют представления кетов, нанайцев и других народов Сибири и Севера о происхождении и строении мира, о небесных светилах, о растительном и животном мире, о тайге и море, о жизни и смерти и т. д. Эти наивные представления в жизни нередко сталкивались с научными данными. «На беседах, уроках», — пишет Е. Д. Прокофьева, — когда учителя пытались рассказать о действительном положении земли по отношению к солнцу, селькупы возражали: «Если бы земля вертелась вокруг своей оси, как вы говорите, то вода в реках текла бы то туда, то сюда. А она век бежит в одну сторону. Бывают дни безветрия, тучи стоят на месте, а солнце все равно передвигается. Если бы земля вертелась, то ветер дул бы всегда в одну сторону. Этого не бывает, ветер дует с разных сторон» (стр. 106). Селькупы считали, что земля неподвижна, а солнце «ходит» вокруг нее. Это, конечно, не религиозные верования, а определенная ступень в познании мира.

Историк науки может найти в сборнике интересные факты, относящиеся, в частности, к развитию астрономических, географических, зоологических, ботанических знаний. Эти факты лишней раз подтверждают, что человек шел к познанию мира трудным и сложным путем. Так, селькупы некогда считали, что молодые деревья вырастают из кор-

тей старых. Маленькая птичка кедровка подсказала людям, что кедры вырастают из кедровых орехов. Дело в том, что эта птичка запасает осенью кедровые орехи, закапывая их в землю в разных местах. Селькупы заметили, что через некоторое время эти «кладовые» прорастают. Другая птица, кукушка, направила мысль селькупов, наоборот, по ложному пути: в ее зобу они часто находили целые ягоды и решили, что ягоды на землю «выплевывает» весной кукушка (стр. 114).

Но самый большой интерес рецензируемый сборник вызовет, конечно, у религиозедов. Он знакомит читателей с представлениями народов Сибири и Севера о духах — хозяевах земли, неба, тайги, моря, гор и т. д.; с представлениями этих народов о душе, о добрых и злых божествах; с культом медведя и многими обрядами. В частности, детально проанализированы представления о душе у кетов (стр. 96—105), у чукчей (стр. 245—248) и других народов, представления о родовом дереве и живущих на нем душах (*омиа*) у нанайцев (стр. 163—166). Насколько обстоятельно изучены этнографами представления о душе, можно судить по статье М. Т. Михайлова «Анимистические представления бурят». Автор характеризует здесь представления бурят о душах людей различных категорий — вождей родов и племен, шаманов и шаманок, искусных мастеров, обычных людей и т. д. Обилие фактического материала отличает не только данную работу, но и другие статьи сборника.

В заключение несколько частных замечаний. Нам кажется, что при исследовании поставленной проблемы следует больше внимания уделить религиозным верованиям, связанным с родовой организацией. И. С. Вдовин справедливо отмечает, что религиозное сознание может быть правильно понято «лишь при наличии отчетливого представления об уровне развития общественно-экономических отношений, условий повседневной производственной и общественной жизни» (стр. 224). Он характеризует общественный строй некоторых народов Сибири и Севера в середине XIX — начале XX в. как патриархально-общинный (стр. 13, 225). Видимо, в последующих томах этот строй будет освещен полнее, а главное, показана его роль в формировании тех религиозных представлений, которые типичны для данного этапа развития общества. В рецензируемом сборнике о роде упоминается редко и мимоходом, например: «имел известное значение институт рода» (стр. 17). О верованиях, связанных с родом, авторы сообщают мало. Приятным исключением в этом плане является статья С. В. Иванова, указывающая на наличие родовых деревьев у нанайцев (стр. 164—165).

Можно согласиться с авторами в том, что в середине XIX — начале XX в. под влиянием товарно-денежных отношений, привнесенных русской колонизацией, род утратил прежнюю силу. Однако он продолжал существовать и сохранял экзогамный характер. Род у кетов еще в начале XX в. был собственником промысловых угодий, отмечает Е. А. Алексеенко. «Сородичей связывала,— продолжает она,— вера в легендарных предков, общих семейных покровителей, у них были свои священные места и т. д.» (стр. 69). По работам Л. Я. Штернберга, Ч. М. Таксами и других исследователей мы знаем, что у нивхов в начале XX в. род имел большое значение. Один из авторов сборника, Г. Н. Грачева, проводившая полевую работу среди нганасан в 1969—1972 гг., пишет, что наиболее полные материалы собраны ею среди представителей рода Нгамтусу'о (стр. 44).

В этой связи встает вопрос о том, каким был социально-экономический строй народов Сибири и Севера до прихода русских. Н. Б. Киле пишет, что нанайцы сравнительно недавно находились на стадии первобытной общины (стр. 202). Ч. М. Таксами отмечает, что у нивхов до прихода русских были первобытнородовые отношения, первобытное равенство (стр. 203). Известно, что родовой строй у долган, эвенков, орочей и некоторых других народов вступил в стадию разложения только после прихода русских и появления товарно-денежных отношений¹. Вопрос о социальной организации у народов Сибири и Севера до прихода русских, видимо, встанет перед участниками коллективной темы, в том числе и перед авторами сборника. В этой связи весьма многообещающе звучат слова С. В. Иванова о том, что изучение отдельных аспектов духовной культуры народов Сибири и Севера может способствовать «реконструкции некоторых, уже исчезнувших форм их общественного устройства» (стр. 161).

В сборнике затронут важный вопрос о том, есть ли у народов Сибири и Севера следы тотемических представлений. Л. В. Хомич и А. В. Смоляк отрицают или подвергают сомнению наличие пережитков тотемизма у ненцев и нанайцев (стр. 27—30, 130). Т. М. Михайлов и Ф. Т. Валеев, наоборот, указывают на их существование даже у бурят и западносибирских татар (стр. 313, 324). Мы склонны думать, что правы были А. Н. Максимов, А. М. Золотарев, Л. Я. Штернберг, Д. К. Зеленин и многие другие ученые, нашедшие пережитки тотемизма почти у всех народов Сибири и Севера. Критические замечания некоторых авторов сборника в их адрес нам представляются недостаточно убедительными. Так, название «род Песца», происшедшее от того, что члены этого рода занимались песцовым промыслом, Л. В. Хомич не считает пережитком тотемизма потому, пишет она, что «отсюда совершенно не вытекает наличие представления о происхождении определенного рода от определенного вида животного» (стр. 28). На это можно возразить, что речь идет не о самом тотемизме, а лишь о его пережитках, ко-

¹ «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.— Л., 1956, с. 725, 750, 824, 850, 872.

торые в новых условиях могут получить новое истолкование, М. Г. Левин и Л. П. Потапов отмечали, что такие пережитки «обнаруживаются едва ли не у всех сибирских народов»².

Одна из характерных особенностей сборника и, видимо, всей серии в том, что шаманство, т. е. шаман с его действиями и атрибутами, мыслится лишь как один из объектов исследования. Второй объект — это шаманизм, т. е. определенные религиозные представления народов Сибири и Севера, формы бытования этих представлений, место их и значение в повседневной жизни людей. Такое деление само по себе является вполне правомерным, оно сделано для удобства научного исследования. Хочется только пожелать, чтобы в дальнейшем авторы серии показали, что в реальной жизни верования и обряды тесно между собой связаны. Следует также указать, что в некоторых статьях религиозные верования не всегда достаточно четко отграничены от представлений нерелигиозных.

Сделанные нами замечания носят либо сугубо частный характер, либо являются пожеланиями на будущее, поскольку работа над темой о шаманизме у народов Сибири и Севера продолжается. В целом же сборник представляет собой значительное событие в изучении религии народов Сибири и Севера, да и в общем религиоведении. Он привлекает к себе внимание не только этнографов и религиоведов, но и историков, философов, фольклористов.

М. С. Бутинова

² «Народы Сибири», с. 18.

* * *

Книга ленинградских этнографов «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера», несомненно, представляет новый этап в изучении религии народов Сибири. Работа суммирует многолетние исследования авторов книги. Среди приводимых ими материалов немало богатейших, уникальных, которые уже не могут быть собраны в настоящее время. Авторы выявляют наивно-материалистический характер представлений народов Сибири о душах, духах, потустороннем мире. Их заслугой является также отделение нерелигиозных представлений и знаний народов Сибири о мире от религиозных верований. Правда, это не всегда выполнено достаточно последовательно всеми авторами, а А. В. Смоляк явно увлекается этой идеей: по ее мнению, нет ничего религиозного в представлениях нанайцев о существовании «хозяев» или «царей» у животных, «силе счастья», особой благотворной силе деревьев и т. п. (стр. 143—144, 159), хотя в этих представлениях нетрудно заметить веру в сверхъестественное, что составляет основу всякой религии.

В рецензируемом сборнике впервые на таком широком материале рассматриваются представления народов Сибири о мире, его строении и происхождении, о душе, причинах смерти и болезни. Очень интересны соображения авторов о парциальных душах, причине порчи вещей, которые клали с умершим в могилу, о сущности «нечистоты» женщины у селькупов. Весьма ценен подход авторов к изучению представлений народов Сибири о душе, их стремление показать, насколько это возможно, своеобразие понятия «душа» у разных народов, многообразие значения данного термина и несоответствие его нашему привычному пониманию термина «душа».

Ценное замечание о более позднем появлении представлений о духах-хозяевах у ненцев (первоначально жертвоприношения делались только реке, урочищу), содержится в статье Л. В. Хомич. Думается, что эти данные, как и подмеченная еще В. Иохельсоном нерасчлененность понятий о море и хозяине моря у коряков (см. статью В. А. Антроповой) наряду с некоторыми другими могут быть использованы для изучения проблемы происхождения такой формы первобытной религии как промысловый культ¹.

Безусловно, авторы рецензируемого исследования стоят на правильной позиции, рассматривая религию в тесной связи с социально-экономическим развитием народа и его историей. О необходимости исторического подхода к изучению религиозных представлений И. С. Вдовин подробно говорит как в своей статье о верованиях чукчей, так и во введении к книге (стр. 9—10, 217, 224). Однако его упрек в адрес советских религиоведов, якобы игнорировавших это основное положение марксизма-ленинизма (стр. 8—9), явно преувеличен. Дело ведь не только в том, чтобы каждому исследованию в области религии был предпослан очерк социально-экономического развития данного народа, как это делает сам И. С. Вдовин (стр. 224—227), а в историческом подходе к анализу тех или иных религиозных верований, объяснению их происхождения и развития. А такой подход к изучению религии характерен для всей советской школы религиоведов.

В книге есть и спорные места. В значительной степени это обусловлено сложностью рассматриваемых проблем, недостаточной изученностью и дискуссионностью многих из них. Насколько нам известно, этот сборник — первый из серии исследований по истории религии народов Сибири, задуманной ленинградским коллективом сибиреведов. К сожалению, во введении на этот счет ничего не сказано. Поэтому читателю остается неясным, почему именно те или иные вопросы затронуты в книге, почему сборник охватывает лишь около половины народов Сибири и чем руководствовались составители при их

¹ Мы уже высказывали точку зрения о том, что развитому промысловому культу предшествовала более ранняя стадия промысловой магии, когда почитались сами звери, лес, река, а не их духи-хозяева (З. П. Соколова. Культ животных в религиях. М., 1972, с. 59).